Петросян Евгений 4.5.98.

Смех наш насущный

Первое мая. Может, вспомним былые времена и придумаем какой-нибудь предпраздничный призыв? Ну, например: «Интеллигенция! Учителя! Рабочие! Банкиры! Домохозяйки! Учащиеся! Встретим Первомай хорошим настроением и дружной улыбкой под чутким руководством Евгения Петросяна!».

ТВ Парк, 1998, 4 мая с 8-10

ЛИЦО НЕДЕЛИ

Евгений Петросян

— Евгений Ваганович, а вы как к празднику Первомая относитесь?

— Это праздник памяти Первого мая. У меня, как говорит Задорнов, рефлекс на этот праздник. Демонстрация в моем детстве была не политической акцией, а антитезой трудной жизни — «брызги шампанского». А сейчас... Буду сидеть на даче, работать, принимать гостей. Может быть, выйду погулять. Может быть... Обещать не могу.

Ну вот, приехали. Хотели о празднике, а сразу о работе. Впрочем, понятно — День солидарности трудящихся! А Евгений Петросян ведет бурную деятельность и к своему «легкомысленному» делу относится крайне серьезно. Он создал свой театр, открыл Центр эстрадной юмористики на Петровке (кстати, забавно — Петросян на Петровке), при котором начал складываться уникальный музей истории юмора. У него вышли три книги, четвертая в издательстве, пятую пишет. А еще — еженедельная «Смехопанорама» на ТВ и спектакли, спектакли...

— Но как-то и когда-то вы все же отдыхаете ото всех ваших дел?!

— Я не отдыхаю, голубушка... Вот позапрошлым летом попал в санаторий в Барвиху: меня друзья и жена просто выгнали туда. Ну, как я переехал? Со своим компьютером, со своей библиотекой (частью, конечно), с видеокассетами, которые я должен был просмотреть для передачи, со своим видеомагнитофоном. То есть это получился выездной кабинет: я писал книгу, писал сценарий... Когда неосторожным движением стер несколько сценариев, чуть не сошел с ума. Игорь Александрович Моисеев меня успокаивал, призывал философски посмотреть на жизнь, но в тот момент у меня это плохо получалось. Вот так я «отдыхал»... Врач, очень милая женщина, уже кричала на меня: «Почему не гуляете?». Я пошел гулять с книгами под мышками, гулял и просматривал одновременно. Но это не мешало им время от времени делать мне уколы. Единственное, что так и не смогли сделать, — эхокардиограмму. Уверяли, что у них сломан аппарат. Это в Барвихе-то! Потом я узнал, что он постоянно был у президента, который тогда готовился к операции. Так что мы с президентом с одним аппаратом были. А этим летом мы с Мишей Задорновым отдыхали в Баварии...

— Туда-то вы, надеюсь, без компьютера поехали?

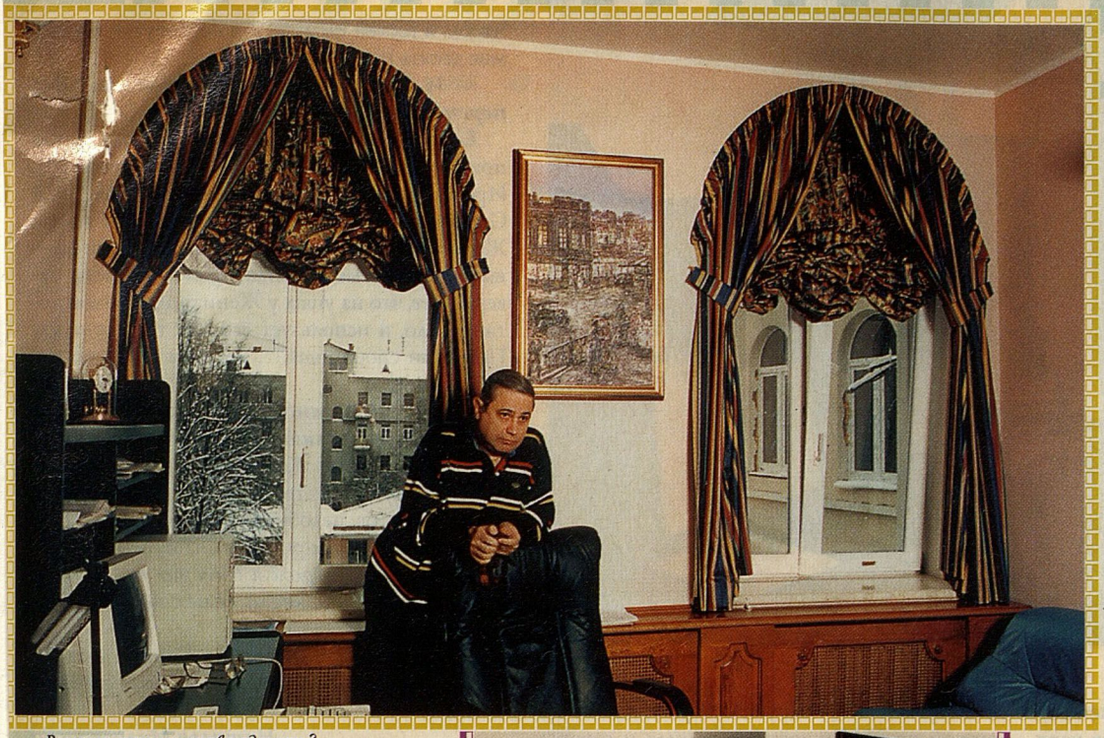
— Без. Но с дневниками — книгу там писал. Но отдыхом я все равно не могу это назвать. Во-первых, мне там ничего есть не давали — потрясающий рацион!.. Там худеют, а я перед премьерой хотел похудеть. Значит, дадут на обед четыре черносливины, на ужин — вареную картофелину и, может, пару веточек цветной капусты... и при этом в кровь что-то пускают! И все говорят только о еде, даже по-немецки. Жванецкий два года назад был в этом же санатории. И он сказал: «Я не знал, что, для того чтобы жить, нужно так мало еды».

— А на премьеры своих коллег вы ходить успеваете?

— Недавно мы на эту тему говорили с Винокуром. Дело в том, что на мой самый первый спектакль пришли все старики — без приглашения! И Миров с Новицким, и Миронова с Менакером, и Утесов, хоть он уже очень старенький был! А сейчас мы перестали ходить на спектакли друг дру-

1 Мая 1957 года. Второй справа — Женя Петросян

265



«Ремонт, что ли, снова сделать?..»

га. Володя так расчувствовался, что сказал: «Я приду!». И не пришел...

Ну а поскольку я воспитан ими, то иногда хожу. Вот недавно был на концерте у Жванецкого — его это так поразило, что он поднял меня в зале и публично поблагодарил. А когда я пришел за кулисы и рассказал ему о своих впечатлениях, мы оба были так растроганы, что чуть не плакали. Он твердил: «Боже мой, как здорово, что ты пришел!».

— Интересно, а если в зал приходят политики, которых вы так лихо высмеиваете, они тоже бывают тронуты до слез?

— Ну, им не до нас... Хотя всякое бывает. Вот Шумейко меня удивил, он тогда председателем был в Верхней палате. Сидит он как-то в зале, а мы частушками по всем власть имущим проходимся. Но должна же соблюдаться этика — я артистке говорю: «Ты про Шумейко не пой». А он подходит после спектакля и говорит: «А про меня почему не спели?!».

— Он, может, специально пришел послушать... Кстати, вы строгий начальник?

— Не-ет. Я вспыльчивый, но не строгий.

— Отходчивый, значит. А на шею не садятся?

— Конечно, садятся.

— А дома наверстываете, поди? Существует культ вашей личности?

— Культ работы существует. Почему мы хорошо живем с моей женой? Потому что она видела заранее, как я живу, и знала на что идет. Более того, то напряжение, с которым я живу и которое было камнем преткновения с

Петросян и его истинное лицо

другими женщинами, вызвало у нее уважение — ну, так она говорит по крайней мере. Детей, к сожалению, нет. Моя единственная дочка — совсем уже взрослая, ей тридцать два года, — вопреки моей воле уехала за границу и внука моего единственного увезла...

— Но ей там хорошо?

— Не думаю. А с моей *настоящей* женой мы женаты уже двенадцатый год.

— Вы это так многозначительно произнесли, будто у вас так много было жен до этого!

— Мно-о-го... Я фиксировал свои романы. Но Лена — последняя, это уже всерьез. Она актриса нашего театра, причем стала ею за шесть лет до того, как мы поженились. Прошла по конкурсу.

— Живность какая-нибудь у вас в доме водится? Крокодилы? Бегемоты?

— Обязательно. Две собаки — немецкая овчарка с гордым именем Барон, и сейчас Лена еще взяла лайку. А с покойной ныне дворняжкой по имени Филя я даже провел в свое время «Смехопанораму». Он сидел в кресле рядом со мной, как обычно сидят все мои гости, и мы философствовали. И кот у меня был, рыжий-рыжий, гладкошерстный. Он разговаривал со мной. Ходили мы с ним по дому, он идет рядом, задашь ему вопрос — он, мурлыча, отвечает, и ведь интонирует «речь». Загадочное, совершенно удивительное существо. Мы жили с ним на даче, он гулял на воле, и, когда приходил, возвещал о своем возвращении мявом на весь дом: давайте, мол, еду, я уже готов! Но потом он исчез, его, видимо, убили мальчишки, они там стрелять учились. Мы не верим, что Рыжик мог нас добровольно бросить...

— Вы сентиментальны и романтичны...

— До идиотизма. Недавно со мной конфуз случился, друзья разыграли. Засиделись мы в ресторане, а потом они говорят: «Помнишь наше любимое кафе, где мы в студенческие годы тусовались? Поехали туда, молодость вспомним!». Приехали — там молодежи полно, как в былые времена, несмотря на то что время позднее! Подходят ко мне, разговаривают деликатно, уважительно, по имени-отчеству называют. Я им говорю: «Ребята, какие вы молодцы, как здорово, что эта традиция сохранилась и молодежь по-прежнему здесь собирается!». И с час я, наверное, так наслаждался воспоминаниями о молодости и беседами с молодежью — и ведь вполне прилично все выглядело! Пока вдруг одна девушка меня не спросила: «Евгений Ваганович, а вы-то что тут

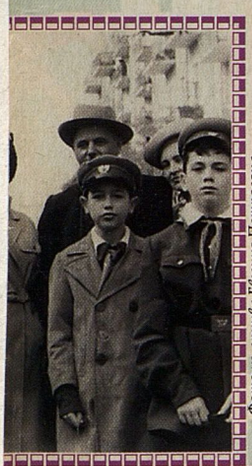


Фото из архива Евгения Петросяна

«Хватит, Лена, хватит. Пиво в чайнике не заваришь»

«Я готов. А где Политбюро?»

делаете?». И тут я понял наконец, что меня во всем этом подсознательно смущало: олух царя небесного! оказывается, это «рынок» проституток! Ох и поиздевался же я над собой за это «романтическое» приключение...

— Елена Григорьевна, ну, теперь вы расскажите о своем муже.

Е. Г.: Я, честно говоря, считаю, что актера надо знать только по сцене, и вообще не хотела вклиниваться в вашу беседу, но муж заставляет.

— Ну да, восточный человек, тиран... Как, вообще любит приказать, ножкой топнуть, кулачком стукнуть?

Е. Г.: Н-не-е-т... Топнуть-стукнуть — нет. Но вообще он любит, чтобы все было так, как хочет он. А поскольку я его люблю, то так всегда и бывает. А вообще он очень добрый и внимательный.

Е. В.: Не ври, не ври...

Е. Г.: Представляете, идем по улице, а навстречу — супружеская пара. И женщина говорит: «Вот идет Улыбка нашей страны! Я, — говорит, — как увижу, что его по телевизору показывают, сразу кричу: «Петросян, Петросян!!!». Муж сначала пугался, а теперь привык, сразу бежит к телевизору...». Нет, правда, он внимательный. Всегда замечает, если у меня плохое настроение, расспросит, ободрит, рассмешит... Ругает, если тяжелое поднимаю.

— А кофе в постель кто кому подает?

Е. Г.: Ой, я бы ему, конечно, подавала, но он такой неловкий, что кофе тут же окажется в постели. А вообще мы предпочитаем чай, черный. Иногда переходим на зеленый.

— А покрепче чая что предпочитаете?

Е. В.: Пиво.

Е. Г.: А мы, грешники, с нашим бывшим директором и соседом Валерием Шейном водочку «Клюковка-Довгань» обожаем. Так что вместе получается водка с пивом!

— Сталин, тоже восточный мужчина, ходил дома в мягчайших кожаных сапожках. А Евгений Ваганович что предпочитает: шерстяные носки, тапочки или тоже яловые сапожки?

Е. Г.: Шлепки он носит. Рекламу помните по «ящику»: «Мягкие ковровые тапочки!»? Я ее наслушалась — подруге, которая рядом с ярмаркой на ВВЦ живет, позвонила и говорю: «Шибко хвалят, купи ты мне несколько пар. Чтобы и гостей было во что переобуть». Ну она мне десять пар и принесла.

— И кому чаще всего это удовольствие перепадает?

Е. Г.: Мы недавно переехали, народ еще не привык, но Миша Задорнов, Лион Измайлов, Ирина Павловна Осинцова — вдова Леонида Семеновича Маслюкова, Валечка Толкунова, Жора Мовсесян — композитор и наш сосед — наиболее частые «арендаторы». Мовсесян утверждает, что на ушах у Жени стадо слонов потанцевало, и использует его как тест: если уж Петросян споет, значит, мелодия будет по силам любому.

— Евгений Ваганович, только что Пасха была. Вы православный человек?

— Да, абсолютно. Каждое утро начинаю с молитвы. Я молюсь за страну, за то, чтобы был мир, за своих врагов, недоброжелателей, за то, чтобы наконец гармония пришла на нашу землю.

— Сегодня утром я вместо «хлеб наш насущный» произнесла «смех наш насущный»...

— Да, вошли в материал. Смех иногда и хлебом бывает. Так что вы недалеко ушли от истины.

Наталья Милосердова
Фото Виктора Горячева

«Пей, дорогая, во славу Весны и Труда и нашей с тобой солидарности, так сказать...»